

Observatoire ARGA

ARGA Atlas

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И
ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОВЫМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ:
РИСКИ В ДЕЛАХ ОБ ЭКСТРАДИЦИИ, МЕЖДУНАРОДНОМ РОЗЫСКЕ И
ЗАМОРАЖИВАНИИ АКТИВОВ**

Авторы:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD,

Наталия Цмакалова

Организация: Observatoire ARGA, ARGA Atlas

Адрес для корреспонденции: 21 route de l'Aviation, 12 C, 64600 Anglet, FRANCE

Контакты: info@argaobservatory.org, +33 7 58 49 62 27

Сайт: www.argaobservatory.org, <https://www.arga-atlas.com/>

Англет, 5 мая 2026

Цель документа

Настоящий доклад подготовлен с целью комплексного анализа того, каким образом механизмы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, изначально созданные для защиты международной финансовой системы, могут использоваться в сочетании с уголовным преследованием, международным розыском, экстрадиционными процедурами и мерами по замораживанию активов таким образом, который приводит к существенным ограничениям прав человека и имущественных интересов.

Практическая задача документа состоит в выявлении тех случаев, когда инструменты финансового мониторинга, межгосударственного сотрудничества и оценки риска используются не только для противодействия действительным преступным угрозам, но и как механизм усиления давления в делах, содержащих признаки процессуальных нарушений, выборочного преследования, корпоративного конфликта, политической мотивации или институциональной недобросовестности.

Для ARGA данная тема имеет фундаментальное значение, поскольку именно взаимодействие процедур финансового мониторинга, международного обмена информацией, экстрадиции и банковского комплаенса нередко формирует наиболее тяжёлые последствия для лица задолго до того, как вопрос о виновности будет рассмотрен независимым судом. Одно национальное уголовное дело может привести к международному розыску, отказу банков в обслуживании, блокировке цифровых и традиционных активов, ограничению свободы передвижения, экстрадиционному аресту и долгосрочному разрушению деловой репутации.

Настоящий доклад рассматривает указанные механизмы как единую систему трансграничного воздействия, требующую не только технического знания норм финансового регулирования, но и глубокого понимания принципов справедливого судебного разбирательства, международной защиты прав человека и оценки добросовестности исходного уголовного процесса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Executive Summary

Context & Problem Statement / Почему эта тема имеет правовое и международное значение

Legal Framework / Нормативная и институциональная рамка

Mechanisms of Practice / Abuse / Ключевые механизмы практики, злоупотребления или конфликта

Case Patterns / Типовые сценарии, модели развития ситуации или практика применения

Risk Assessment / Основные риски, правовые уязвимости и проблемные зоны

Судебные дефекты национального дела

Institutional Gaps / Институциональные ограничения, пробелы, дефицит гарантий или системные слабости

Practical Guidance / Практические рекомендации и модель правового действия

Policy Recommendations / Рекомендации по правовому и институциональному подходу

Conclusion / Заключение

Приложение А. Терминология

Приложение В. Матрица рисков / полномочий / правовых последствий

Официальные источники

Executive Summary

Система противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма является одним из наиболее влиятельных элементов современной международной финансовой

архитектуры. Она охватывает банки, подразделения финансовой разведки, регуляторов, правоохранительные органы, международные организации и частных участников рынка. Её основная задача состоит в выявлении, анализе и ограничении финансовых потоков, связанных с преступной деятельностью и угрозами безопасности.

Однако именно эффективность этой системы создаёт риск её использования в делах, где исходное уголовное преследование само по себе вызывает серьёзные сомнения. Когда обвинение содержит признаки выборочного подхода, корпоративного конфликта, политической мотивации или недостаточного судебного контроля, механизмы финансового мониторинга способны многократно усилить последствия ещё не проверенных утверждений.

В таких ситуациях национальное уголовное дело трансформируется в международный контур ограничений. Банки блокируют счета, финансовые учреждения прекращают обслуживание, подразделения финансовой разведки обмениваются информацией, иностранные органы получают запросы о правовой помощи, активы замораживаются, а лицо может быть задержано в рамках экстрадиционного процесса или международного розыска.

Центральный вывод настоящего доклада состоит в том, что механизмы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма не должны восприниматься как автоматически нейтральные и самодостаточно объективные инструменты. Их применение требует оценки качества исходного уголовного процесса, соблюдения процессуальных гарантий, наличия эффективного судебного контроля и реального риска злоупотребления уголовным преследованием.

Context & Problem Statement / Почему эта тема имеет правовое и международное значение

В международной практике финансовый мониторинг, экстрадиция, международный розыск и замораживание активов часто рассматриваются как самостоятельные правовые механизмы. Формально это действительно отдельные процедуры, регулируемые различными нормативными актами и институциональными структурами. Однако для лица, оказавшегося в центре трансграничного дела, они функционируют как единая система взаимосвязанных ограничений.

Как только уголовное дело приобретает признаки финансовой составляющей, оно становится объектом повышенного внимания банков, регуляторов и международных органов. Даже без обвинительного приговора информация о расследовании может привести к внутренним и международным сообщениям о подозрительной деятельности, усиленному анализу операций, блокировке счетов и передаче сведений иностранным государствам.

Особую значимость данная тема приобретает в тех случаях, когда само уголовное дело вызывает сомнения с точки зрения независимости суда, полноты доказательств, соблюдения права на защиту и добросовестности органов расследования. В таких обстоятельствах международная система, предназначенная для борьбы с реальными финансовыми преступлениями, может непреднамеренно стать механизмом усиления неправомерного давления.

Для ARGА вопрос имеет стратегическое значение, поскольку именно на стыке уголовного права, финансового регулирования и международной правовой помощи возникают наиболее сложные дела, в которых юридическая защита должна одновременно учитывать риски для свободы, активов, миграционного статуса, деловой репутации и доступа к банковской инфраструктуре.

Legal Framework / Нормативная и институциональная рамка

Нормативная основа рассматриваемой темы представляет собой одну из наиболее сложных и многоуровневых систем современного международного регулирования. В отличие от классических уголовных процессов, где ключевую роль играют нормы национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в делах, связанных с противодействием легализации преступных доходов и финансированию терроризма, одновременно действуют национальные законы, международные конвенции, рекомендации межправительственных организаций, наднациональные регламенты, банковские процедуры и внутренние правила частных институтов.

Первый уровень составляют нормы национального уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за мошенничество, коррупцию, уклонение от уплаты налогов, злоупотребление полномочиями, незаконное присвоение активов, манипулирование рынком, легализацию преступных доходов и иные финансовые преступления. Именно наличие таких обвинений чаще всего становится отправной точкой для запуска международных механизмов.

Второй уровень образуют нормы национального законодательства о финансовом мониторинге, идентификации клиентов, сообщениях о подозрительных операциях, блокировке средств и взаимодействии с подразделениями финансовой разведки. Эти нормы обязывают банки и иные организации реагировать на признаки повышенного риска даже при отсутствии окончательного судебного решения.

Третий уровень включает международные конвенции, прежде всего Конвенцию Организации Объединённых Наций против коррупции, Конвенцию Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности, Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма, Международный пакт о гражданских и политических правах, а также Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

Четвёртый уровень формируют стандарты Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). Хотя рекомендации FATF формально не являются международным договором, их практическое значение чрезвычайно велико. Они определяют подходы к оценке риска, идентификации бенефициарных владельцев, замораживанию активов, обмену информацией и международному сотрудничеству.

Пятый уровень составляют наднациональные нормы, включая законодательство Европейского союза, регламенты о санкционном контроле, директивы по противодействию легализации преступных доходов, Регламент MiCA и другие акты, затрагивающие традиционные и цифровые активы.

Шестой уровень образуют процедуры международных организаций и трансграничных институтов, включая INTERPOL, Egmont Group, MONEYVAL, подразделения финансовой разведки, экстрадиционные суды и правозащитные механизмы Организации Объединённых Наций и Совета Европы.

Седьмой уровень представляет собой внутренние процедуры частных институтов: банков, платёжных систем, инвестиционных платформ, криптовалютных бирж, депозитариев и поставщиков услуг по хранению активов. На практике именно решения этих организаций часто становятся наиболее ощутимыми для лица, поскольку приводят к немедленной потере доступа к средствам и финансовой инфраструктуре.

Таким образом, одно уголовное дело, связанное с предполагаемым финансовым правонарушением, способно активировать разветвлённую систему взаимосвязанных механизмов, в которой национальные обвинения приобретают международные последствия, а предварительные подозрения трансформируются в реальные ограничения имущественных и личных прав.

Mechanisms of Practice / Abuse / Key Mechanisms of Practice, Abuse or Conflict

Первый ключевой механизм заключается в автоматической трансформации уголовного обвинения в категорию финансового риска. Как только в материалах дела появляются квалификации, связанные с мошенничеством, коррупцией, легализацией преступных доходов, финансированием терроризма, злоупотреблением полномочиями или иными экономическими преступлениями, эта информация начинает восприниматься финансовыми учреждениями и государственными органами как самостоятельный индикатор угрозы. При этом фактическая обоснованность обвинения нередко отходит на второй план, уступая место превентивной логике управления рисками.

Второй механизм связан с направлением сообщений о подозрительной деятельности и обменом информацией между подразделениями финансовой разведки. Такие сообщения могут инициировать дополнительные проверки, замораживание операций и международный обмен сведениями, причём лицо зачастую не знает ни о самом сообщении, ни о его содержании, ни о последующих действиях компетентных органов. Возникает ситуация, в которой существенные ограничения возникают без открытого состязательного процесса.

Третий механизм состоит в использовании запросов о взаимной правовой помощи. После возбуждения уголовного дела национальные органы могут обращаться к иностранным государствам с просьбами о раскрытии банковской информации, наложении ареста на активы, допросе свидетелей, изъятии документов и принятии иных мер. Если исходное дело содержит признаки злоупотребления, международное сотрудничество фактически распространяет последствия недобросовестного процесса на другие юрисдикции.

Четвёртый механизм заключается в применении процедур международного розыска и экстрадиции. Финансовые обвинения нередко воспринимаются как достаточно серьёзные для инициирования запросов, способных привести к задержанию лица за пределами страны происхождения дела. В результате спор, который может иметь корпоративный, политический или имущественный подтекст, превращается в непосредственную угрозу личной свободе.

Пятый механизм связан с решениями банков и иных финансовых организаций. Финансовые учреждения часто принимают собственные ограничительные меры, включая блокировку счетов, прекращение обслуживания, усиленный анализ происхождения средств и отказ в совершении операций. Такие решения принимаются на основе внутренней оценки риска и не зависят от наличия окончательного судебного акта.

Шестой механизм представляет собой взаимодействие с санкционными и комплаенс-процедурами. Информация о расследовании может усиливать подозрения относительно источника активов, структуры собственности и связей лица с иными субъектами, что создаёт дополнительные барьеры для использования как традиционных, так и цифровых финансовых инструментов.

Седьмой механизм заключается в закреплении ограничений во времени. После того как обвинение попадает в международный оборот, его последствия продолжают существовать даже при отсутствии активных следственных действий. Банковские ограничения, негативные

внутренние профили, усиленный мониторинг и осторожность контрагентов могут сохраняться годами.

Именно совокупность этих механизмов превращает систему противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма из технического инструмента финансового регулирования в мощную трансграничную инфраструктуру, способную как эффективно бороться с реальными угрозами, так и существенно усиливать последствия уголовного дела, если оно изначально построено на недобросовестной процессуальной основе.

Case Patterns / Типовые сценарии, модели развития ситуации или практика применения

Первый типовой сценарий связан с уголовным делом, которое формально квалифицируется как финансовое преступление, но фактически возникает на фоне корпоративного конфликта, спора о собственности, конфликта между акционерами, давления на бывшего партнёра или борьбы за контроль над активами. В таких случаях обвинения в мошенничестве, злоупотреблении полномочиями, присвоении имущества или легализации преступных доходов могут использоваться не столько для восстановления нарушенного публичного интереса, сколько для создания правовой и финансовой уязвимости оппонента. После появления уголовного дела спор перестаёт восприниматься как коммерческий и начинает рассматриваться банками, иностранными органами и международными структурами как вопрос повышенного финансового риска.

Второй сценарий возникает тогда, когда государственные органы используют финансовую квалификацию как более удобную форму международного представления дела. Политически чувствительное преследование, конфликт с государственными структурами или спор вокруг стратегических активов может быть оформлен как дело о мошенничестве, коррупции, уклонении от уплаты налогов или легализации доходов. Такая квалификация выглядит для внешних участников более нейтральной и технической, чем прямое политическое обвинение. Банку, иностранному суду или экстрадиционному органу проще реагировать на финансовое обвинение, чем распознавать в нём возможную политическую или корпоративную мотивацию. Такая правовая квалификация позволяет представить дело как технически нейтральное финансовое обвинение.

Третий сценарий связан с направлением запросов о взаимной правовой помощи в юрисдикции, где находятся активы, счета, документы, контрагенты или корпоративные структуры лица. Внешне такие запросы выглядят как обычное международное сотрудничество по уголовному делу. Однако если исходное производство содержит признаки процессуальных нарушений, то запрос о помощи становится способом распространить эти нарушения на другие страны. Иностранное государство может заморозить активы, раскрыть банковскую информацию или изъять документы, полагаясь на предположение о добросовестности запрашивающей стороны.

Четвёртый сценарий состоит в сочетании международного розыска и финансового мониторинга. Лицо может одновременно оказаться объектом розыскных механизмов, банковских ограничений и экстрадиционного риска. В такой ситуации информация о международном розыске усиливает банковские подозрения, а банковские ограничения затем используются как дополнительное подтверждение рискованного профиля. Возникает замкнутый круг: уголовное дело создаёт риск, риск создаёт ограничения, ограничения воспринимаются как подтверждение серьёзности дела.

Пятый сценарий связан с замораживанием активов до полноценной проверки качества исходного дела. Активы могут быть ограничены на основании предварительных сведений,

запросов следствия или сообщений о подозрительных операциях. При этом лицо может не иметь реальной возможности оперативно оспорить само основание ограничения, поскольку информация находится в разных системах: у банка, подразделения финансовой разведки, иностранного суда, прокуратуры или следственного органа. В результате защита вынуждена бороться не с одним решением, а с распределённой сетью последствий.

Шестой сценарий возникает в делах, связанных с цифровыми активами, стейблкоинами, криптовалютными платформами и трансграничными платёжными сервисами. Такие активы особенно чувствительны к автоматизированной оценке риска, санкционным проверкам и внутренним решениям поставщиков услуг. Если лицо связано с уголовным делом финансового характера, платформа может ограничить доступ к активам, заблокировать операции или потребовать дополнительные сведения без полноценного судебного механизма проверки. В таких случаях техническая инфраструктура фактически становится продолжением уголовного давления.

Седьмой сценарий заключается в сохранении последствий после ослабления или прекращения исходного дела. Даже если обвинение впоследствии не подтверждается, дело прекращается или суд признаёт нарушения, сведения о риске могут продолжать существовать в банковских профилях, внутренних базах, материалах комплаенс-проверок и международных обменах информацией. Формально лицо уже может быть освобождено от обвинений, но фактически продолжает жить внутри старого профиля риска.

Восьмой сценарий касается экстрадиционных дел, в которых иностранный суд рассматривает запрос, основанный на финансовом обвинении, без достаточного анализа качества исходного судебного процесса. Если суд ограничивается проверкой формальных условий экстрадиции и не исследует признаки злоупотребления, то финансовое обвинение получает международное признание как будто бы само по себе. Это особенно опасно в делах, где в стране происхождения имеются признаки зависимого суда, давления на защиту, несоразмерных обеспечительных мер или имущественного интереса третьих лиц.

Risk Assessment / Основные риски, правовые уязвимости и проблемные зоны

Первый риск состоит в том, что механизмы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма могут начать работать быстрее, чем механизмы судебной защиты. Это одна из центральных проблем таких дел. Банк может заблокировать операцию за один день, подразделение финансовой разведки может передать информацию в рамках закрытого обмена, иностранный орган может получить запрос о правовой помощи, а лицо ещё даже не успевает получить полный доступ к материалам исходного уголовного дела. В результате защита оказывается не впереди риска, а позади уже наступивших последствий.

Второй риск связан с презумпцией надёжности исходного уголовного дела. Международные участники часто исходят из того, что если компетентный орган государства направил запрос, возбудил дело или сообщил о подозрительной деятельности, то за этим стоит надлежащая правовая процедура. На практике это далеко не всегда так. В делах с признаками выборочного преследования, корпоративного конфликта или политической мотивации внешняя система может добросовестно воспроизводить последствия недобросовестного национального процесса.

Третий риск заключается в несоразмерности ограничений. Цели финансового мониторинга и международного сотрудничества могут быть законными, но применяемые меры нередко оказываются чрезмерными. Полная блокировка счетов, длительное замораживание активов, невозможность оплачивать текущие расходы, юридическую защиту, налоги, содержание

семьи или исполнение договорных обязательств могут превращать превентивную меру в фактическое наказание.

Четвёртый риск состоит в недостаточной проверке доказательственной базы. Финансовые обвинения часто выглядят технически сложными и внешне убедительными: схемы переводов, корпоративные структуры, цепочки платежей, сведения о бенефициарных владельцах, отчёты о подозрительных операциях. Однако сложность материала не означает его достоверность. Без независимого судебного анализа такие данные могут быть неполными, односторонними, вырванными из экономического контекста или интерпретированными в интересах стороны обвинения.

Пятый риск связан с закрытым характером обмена информацией. Лицо может не знать, какие сведения о нём были переданы в иностранную юрисдикцию, какой банк или орган получил информацию, какие выводы были сделаны и какие дальнейшие действия запущены. Это создаёт серьёзную проблему для права на защиту: невозможно эффективно оспаривать то, что не раскрыто, не мотивировано и не оформлено в виде доступного решения.

Шестой риск состоит в том, что частные финансовые институты фактически принимают решения с публично-правовыми последствиями. Банк или платформа формально действует как частное лицо, но его решение заблокировать счёт, прекратить обслуживание или отказать в операции может иметь последствия, сопоставимые с государственным ограничением. При этом процессуальные гарантии значительно слабее, чем в суде: нет полноценного состязательного процесса, нет обязанности раскрывать все материалы, нет публичной мотивировки, а пересмотр часто носит внутренний и ограниченный характер.

Седьмой риск связан с экстрадицией. Финансовые обвинения нередко используются как основание для задержания и выдачи лица, поскольку внешне они выглядят как общеуголовные, а не политические. Это создаёт риск обхода запрета на политически мотивированное преследование через нейтральную экономическую квалификацию. Если иностранный суд не анализирует реальный контекст дела, финансовое обвинение может стать удобной формой международного давления.

Восьмой риск заключается в долгосрочном сохранении негативного профиля. Даже после прекращения дела, снятия обвинений или отмены отдельных мер информация о первоначальном подозрении может продолжать циркулировать в банковских системах, внутренних базах, отчётах о риске и материалах международного обмена. Формальная юридическая реабилитация не всегда приводит к восстановлению финансовой репутации. Как обычно, система умеет быстро испачкаться, но крайне неохотно стирает следы.

Девятый риск состоит в фрагментации ответственности. Каждый участник системы может ссылаться на другого: банк указывает на требования финансового мониторинга, подразделение финансовой разведки на конфиденциальность, иностранный орган на запрос запрашивающей стороны, национальный следователь на необходимость расследования, а суд на формальные пределы своей проверки. В итоге лицо сталкивается с множеством ограничений, но не видит единого центра, который несёт ответственность за совокупный ущерб.

Десятый риск связан с тем, что международные стандарты борьбы с финансовыми преступлениями могут применяться без достаточного учёта прав человека. Борьба с легализацией преступных доходов, коррупцией и финансированием терроризма является легитимной и необходимой задачей. Однако её легитимность не отменяет обязанность проверять добросовестность исходного дела, обеспечивать доступ к защите, соблюдать принцип соразмерности и учитывать риск злоупотребления уголовным преследованием.

Судебные дефекты национального дела, подлежащие учёту при оценке запросов о правовой помощи, экстрадиции, международном розыске и ограничении имущественных прав

Иностранные суды и регуляторы обоснованно доверяют национальным судебным решениям в тех юрисдикциях, где судебный контроль является содержательным и независимым. Однако когда национальный судебный контроль носит формальный характер, иностранному адресату запроса целесообразно усиливать проверку процессуального качества и соразмерности вмешательства, особенно если последствия являются трансграничными и трудно обратимыми.

Ниже приводится перечень судебно-процессуальных дефектов (с проверяемыми маркерами), которые иностранные суды, международные организации и регуляторы целесообразно учитывать при оценке: (а) запросов о взаимной правовой помощи (MLA), (b) экстрадиционных требований и мер международного розыска, включая уведомительные механизмы по линии Интерпола (в том числе красные уведомления и диффузии), (с) замораживания, ареста, конфискации активов и иных ограничений имущественных прав.

Методологическая оговорка. Перечень не является доказательством злоупотребления сам по себе: он описывает критерии риска, требующие углублённой проверки материалов, хронологии и качества судебного контроля в национальном деле. Каждый дефект по отдельности может не иметь решающего значения; практическое значение имеет их повторяемость и совокупность. При наличии нескольких дефектов одновременно иностранному адресату запроса целесообразно применять усиленный стандарт проверки, запрашивать уточнения и дополнительные материалы, а также оценивать, достаточны ли компенсирующие гарантии. В отдельных случаях выявленные дефекты могут означать, что запрос не может быть удовлетворён без дополнительных условий либо не должен удовлетворяться вовсе.

А. Дефекты судебного контроля (качество судебной проверки)

1. Шаблонная (декларативная) мотивировка судебных актов

Проверяемые маркеры:

повторяющиеся формулы без анализа конкретных фактов и альтернатив («риски не отпали», «основания имеются», «доводы несостоятельны»), особенно по аресту имущества, продлению сроков, избранию меры пресечения, отказам в ходатайствах защиты;

отсутствие в судебном акте ссылок на доказательства, которыми обоснован вывод суда;

идентичные формулировки в разных судебных решениях по одному делу без учёта изменившихся обстоятельств.

Почему важно для иностранного адресата: повышается вероятность того, что национальный суд не выполнял роль независимого фильтра; следовательно, формальное «судебное одобрение» не равно проверке по существу.

2. Отсутствие теста пропорциональности вмешательства

Проверяемые маркеры:

суд не сопоставляет цель запрашиваемой меры и её фактический эффект (в том числе для бизнеса, третьих лиц, возможности финансировать защиту);

суд не рассматривает менее жёсткие альтернативы (частичный арест, лимиты операций, залог, запрет определённых действий);

суд не оценивает влияние мер на добросовестных контрагентов, членов семьи, работников предприятия.

Почему важно: для замораживания активов, экстрадиции и иных мер с трансграничным эффектом пропорциональность является центральным критерием легитимности вмешательства в права.

3. Формальный подход к допустимости и происхождению доказательств

Проверяемые маркеры:

отсутствие анализа источника доказательств, цепочки хранения и способа получения;

игнорирование вопросов перевода, аутентификации и надлежащего заверения документов, особенно для материалов, которые затем направляются в иностранные органы в рамках MLA-запросов;

принятие доказательств, полученных с процессуальными нарушениями, без оценки их допустимости и влияния нарушений на справедливость разбирательства.

Почему важно: иностранные органы рискуют легитимировать доказательства, которые в их собственных стандартах были бы признаны недопустимыми или существенно проблемными.

4. Неэффективность судебного пересмотра (апелляция/кассация как формальность)

Проверяемые маркеры:

вышестоящие суды воспроизводят мотивировку нижестоящих инстанций без ответа на ключевые доводы защиты;

жалобы рассматриваются формально (без анализа новых обстоятельств и без проверки соразмерности мер);

систематическое подтверждение мер при отсутствии индивидуализированной оценки рисков и актуальности ограничений.

Почему важно: для иностранного адресата значимо не только наличие формального права на обжалование, но и эффективность реального судебного контроля.

В. Дефекты состязательности и равенства сторон

1. Системная процессуальная асимметрия

Проверяемые маркеры:

защите отказывают в доступе к ключевым материалам (финансовые документы, переписка, реестры движений активов) без законных оснований;

защите отказывают в приобщении альтернативных экспертиз, истребовании документов, вызове и допросе значимых свидетелей;

отказы носят немотивированный или систематический характер и не могут быть эффективно обжалованы.

Почему важно: при слабой состязательности повышается риск того, что иностранный адресат видит только «версию обвинения», упакованную в процессуальные документы, без альтернативной картины дела.

2. Отсутствие эффективного рассмотрения существенных доводов защиты

Проверяемые маркеры:

суд не отвечает по существу на аргументы о деловой цели операций, рыночности условий сделок, отсутствии умысла;

суд не рассматривает гражданско-правовую природу конфликта, альтернативные расчёты ущерба, представленные защитой;

доводы защиты отклоняются общей формулировкой («не влияют на выводы суда») без конкретного анализа.

Почему важно: иностранные органы должны понимать, были ли эти вопросы реально проверены национальным судом, прежде чем принимать решение об ограничении прав (свободы, имущества, доступа к финансовой инфраструктуре).

3. Ограничение права на защиту на критических стадиях

Проверяемые маркеры:

участие лица в процессуальных действиях без эффективной помощи защитника либо при ограничении конфиденциальности общения с адвокатом;

невозможность своевременно получить материалы, необходимые для оспаривания меры (ареста, замораживания, запрета распоряжения);

ограничения, препятствующие подготовке позиции (в том числе при фактической финансовой изоляции и невозможности оплачивать защиту).

Почему важно: в делах с трансграничными последствиями именно ранние процессуальные стадии часто определяют дальнейший «экспорт» обвинения и устойчивость международных ограничений.

С. Дефекты, критичные для AML/CFT и трансграничных активов

1. Подмена доказательственного стандарта AML-терминологией (AML-квалификаторами)

Проверяемые маркеры:

в судебных актах и запросах доминируют квалифицирующие формулы («легализация», «организованная группа», «международные каналы») при слабой конкретике предикатного деяния, бенефициарного контроля и трассировки средств;

отсутствие в материалах дела документов, подтверждающих движение средств от предполагаемого деяния к активам, в отношении которых запрашиваются ограничительные меры;

отсутствие причинно-следственной связи между действиями лица и заявленным ущербом либо её подмена общими утверждениями.

Почему важно: комплаенс-системы и иностранные регуляторы воспринимают AML-термины как высокорисковые триггеры даже при недостаточной фактуре; это создаёт риск автоматической легитимации запроса без содержательной проверки.

2. Несоразмерный арест/замораживание активов и охват третьих лиц

Проверяемые маркеры:

меры затрагивают активы в объёме, существенно превышающем предполагаемый ущерб;

меры распространяются на активы, не связанные с предметом обвинения (имущество членов семьи, добросовестных контрагентов, компаний без доказанной связи);

отсутствует индивидуализированная судебная оценка прав третьих лиц, чьи активы затрагиваются ограничительными мерами;

связь конкретного актива с предполагаемым преступлением описана общими формулами без индивидуализации (что именно признаётся «преступным» и почему именно этот актив).

Почему важно: иностранные суды и регуляторы обычно требуют высокой степени конкретизации связи «актив — предполагаемое преступление» и отдельной оценки прав третьих лиц; отсутствие такой оценки существенно повышает риск непропорционального вмешательства.

3. Длительность ограничений при отсутствии прогресса по существу

Проверяемые маркеры:

циклические продления ареста или замораживания по тем же основаниям без новой фактуры;

режим «постоянной срочности», при котором меры многократно продлеваются со ссылкой на необходимость дополнительной проверки, которая фактически не проводится;

отсутствие графика или плана судебной проверки доказательств по существу.

Почему важно: в трансграничном контуре длительность ограничений сама по себе становится санкцией (снижение допустимого уровня риска, прекращение банковского обслуживания, разрыв контрактов, репутационный ущерб); иностранный адресат должен учитывать необратимые последствия, наступающие до рассмотрения дела по существу.

D. Дефекты интернационализации (риск «экспорта непроверенного обвинения»)

1. Опережающая интернационализация при недостаточной внутренней проверке

Проверяемые маркеры:

запросы о правовой помощи, действия по зарубежным активам, инициирование розыска или экстрадиционных процедур запускаются до того, как национальный суд проверил ключевые элементы состава преступления и пропорциональность мер;

международные инструменты активируются на стадии, когда доказательственная база ещё не прошла полноценную судебную проверку, а основные процессуальные споры не разрешены.

Почему важно: иностранные механизмы могут начать работать как «усилитель давления» (ограничение свободы передвижения, финансовая изоляция, репутационный ущерб), а не как нейтральная помощь расследованию.

2. Неполнота и односторонность материалов, передаваемых иностранному адресату

Проверяемые маркеры:

в запросе отсутствуют сведения о процессуальных спорах, обжалованиях, альтернативных экспертизах;

не указаны частичные отказы в удовлетворении ходатайств следствия, отмены или сужения мер вышестоящим судом;

отсутствует информация о том, были ли какие-либо доказательства, на которых основан запрос, признаны национальным судом недопустимыми или существенно опровергнутыми;

материалы представляются в одностороннем виде, без отражения позиции и доказательств защиты.

Почему важно: иностранный орган принимает решение, не видя полной картины рисков и уровня судебного сомнения внутри страны, что может привести к удовлетворению запроса на основе неполной информации.

Практическая рекомендация по использованию

Приведённый перечень целесообразно применять как чек-лист (due diligence) при оценке запросов о правовой помощи, экстрадиции, розыске и замораживании активов до удовлетворения запроса, а не после наступления необратимых последствий.

При оценке запроса целесообразно документально подтвердить:

какие из перечисленных дефектов присутствуют в национальном деле;

как они соотносятся с тяжестью запрашиваемого вмешательства (экстрадиция, арест активов, конфискация, замораживание счетов);

имеются ли механизмы, компенсирующие выявленные риски (реальная судебная проверка в запрашивающей стране, доступ защиты к доказательствам, пропорциональность и индивидуализация мер, прозрачность и полнота материалов для иностранного адресата).

Совокупность описанных дефектов обычно означает, что международный запрос не может рассматриваться по модели автоматического доверия и требует дополнительной проверки, уточняющих запросов и оценки компенсирующих гарантий. При отсутствии таких гарантий либо при сохранении существенных сомнений иностранный орган может прийти к выводу о невозможности удовлетворения запроса либо о необходимости ограничить объём запрашиваемых мер.

Заключение

Иностранные суды, международные организации, регуляторы, подразделения финансовой разведки, банки и комплаенс-структуры не должны автоматически доверять формальному факту существования национального обвинения. При оценке запросов о правовой помощи, экстрадиции, замораживании активов или конфискации необходимо учитывать

перечисленные выше судебные дефекты, которые могут свидетельствовать о том, что национальное производство носит инструментальный характер, а международное сотрудничество используется для достижения целей, внешних по отношению к правосудию (имущественного, корпоративного, политического или репутационного давления).

Приоритет при такой оценке целесообразно отдавать документированным фактам, процессуальной хронологии, наличию независимого и эффективного судебного контроля, соразмерности запрашиваемых мер и полноте материалов, передаваемых иностранному адресату.

Institutional Gaps / Институциональные ограничения, пробелы, дефицит гарантий или системные слабости

Первая системная слабость заключается в разрыве между скоростью финансовых ограничений и скоростью судебной защиты. Механизмы финансового мониторинга, банковского контроля и межведомственного обмена информацией работают быстро, часто в закрытом режиме и на основе превентивной логики. Судебная защита, напротив, требует времени, доступа к материалам, подготовки правовой позиции, рассмотрения жалоб и получения мотивированных решений. В результате лицо может столкнуться с блокировкой активов и ограничением банковских операций задолго до того, как суд полноценно проверит законность исходного уголовного дела.

Вторая слабость состоит в том, что система противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма часто построена на доверии к информации, поступающей от компетентных органов. Это доверие необходимо для международного сотрудничества, но оно становится опасным, если исходная юрисдикция характеризуется зависимостью суда, политизированным уголовным преследованием, слабостью процессуальных гарантий или использованием уголовных дел в корпоративных конфликтах. Международная система может не создавать злоупотребление сама, но она способна его резко усилить. Бюрократическая магия: один сомнительный документ входит в систему, а выходит уже как «международный риск».

Третья слабость связана с ограниченной возможностью лица оспорить распространение информации. В классическом судебном процессе человек обычно понимает, какое решение принято, каким органом, на каком основании и в каком порядке оно может быть обжаловано. В сфере финансового мониторинга всё сложнее: сообщение о подозрительной операции может быть закрытым, обмен между подразделениями финансовой разведки конфиденциальным, внутреннее банковское решение неполно мотивированным, а иностранный запрос недоступным в полном объёме. Возникает дефицит процессуальной видимости.

Четвёртая слабость заключается в смешении публичных и частных механизмов. Государственные органы инициируют расследование, банки оценивают риски, частные платформы блокируют операции, иностранные регуляторы получают информацию, а международные организации могут использовать сведения в собственных процедурах. Формально каждый участник действует в пределах своих полномочий, но для лица результат выглядит как единая система давления. При этом гарантии, характерные для уголовного суда, не распространяются в полном объёме на банковские и комплаенс-решения.

Пятая слабость состоит в недостаточном учёте принципа соразмерности. Замораживание активов, отказ в обслуживании, ограничение операций и передача информации могут преследовать законные цели, однако на практике редко проводится полноценная оценка того, насколько конкретная мера необходима, ограничена по времени, соразмерна риску и не приводит ли она к фактическому разрушению способности лица защищаться. Особенно

опасны ситуации, когда блокируются средства, необходимые для оплаты адвокатов, проживания, лечения, налогов или обычных обязательств.

Шестая слабость связана с отсутствием единого стандарта проверки злоупотребления исходным уголовным делом. Одни иностранные суды готовы анализировать политическую или корпоративную мотивацию преследования, другие ограничиваются формальными критериями. Одни банки допускают представление объяснений и документов, другие просто прекращают отношения. Одни органы учитывают нарушения права на справедливое судебное разбирательство, другие считают это вопросом национального процесса. Такая фрагментация создаёт непредсказуемость и усиливает зависимость результата от конкретной юрисдикции.

Седьмая слабость заключается в том, что международные стандарты борьбы с финансовыми преступлениями сами по себе не всегда содержат достаточные механизмы защиты от злоупотребления уголовным преследованием. Они хорошо описывают риски отмывания денег, финансирования терроризма, сокрытия бенефициарной собственности и подозрительных операций. Но они значительно слабее отвечают на вопрос, что делать, если само уголовное дело, на основании которого запускаются эти механизмы, является инструментом давления.

Восьмая слабость состоит в долгой жизни негативной информации. Финансовая система устроена так, что сведения о риске могут сохраняться в профилях клиентов, внутренних базах, документах проверки и обменах между институтами даже после изменения правового статуса лица. Прекращение дела, отмена розыска или снятие ограничений не всегда автоматически очищают следы в банковской и комплаенс-инфраструктуре. Поэтому восстановление прав требует отдельной, последовательной и документированной работы.

Девятая слабость связана с тем, что лица, попавшие под такие ограничения, часто вынуждены защищаться одновременно в нескольких плоскостях: уголовной, экстрадиционной, банковской, миграционной, санкционной и репутационной. Каждая из этих плоскостей имеет собственные сроки, стандарты доказанности, процедуры и язык. Отсутствие единой стратегии приводит к тому, что защита становится реактивной: сначала происходит блокировка, затем задержание, затем отказ банка, затем запрос иностранного органа, и только потом начинается попытка объяснить, что исходное дело было дефектным.

Десятая слабость состоит в институциональной склонности к перестраховке. Банку проще закрыть счёт, чем объяснять регулятору, почему он продолжил обслуживание спорного клиента. Иностранному органу проще исполнить запрос, чем вступать в сложный анализ политико-правового контекста. Регулятору проще признать риск, чем пропустить потенциальное нарушение. Эта логика понятна, но именно она создаёт среду, в которой недобросовестное уголовное дело получает непропорционально сильные международные последствия.

Practical Guidance / Практические рекомендации и модель правового действия

Первый практический шаг состоит в том, чтобы рассматривать дело не как изолированное уголовное производство, а как потенциальный многоуровневый трансграничный риск. Если в деле присутствуют финансовые обвинения, банковские операции, активы за рубежом, корпоративные структуры, цифровые активы, международные контрагенты или вероятность розыска, защита должна сразу исходить из того, что последствия могут выйти за пределы национального суда. Ждать, пока банк заблокирует счёт или иностранный орган получит запрос, стратегически бессмысленно. Система обычно не предупреждает заранее, она просто делает вид, что всё произошло само.

Второй шаг заключается в тщательной диагностике исходного уголовного дела. Необходимо установить, какие именно обвинения предъявлены или могут быть предъявлены, какие доказательства положены в основу подозрений, какова роль потерпевших или заявителей, имеется ли корпоративный конфликт, кто получает имущественную выгоду от преследования, насколько независим суд, как обеспечено право на защиту и насколько мотивированы решения об аресте активов или иных ограничениях. Без этой диагностики невозможно объяснить иностранным органам и финансовым институтам, почему дело не должно восприниматься как обычное добросовестное расследование.

Третий шаг состоит в подготовке единого доказательственного пакета. Такой пакет должен быть пригоден не только для национального суда, но и для иностранных судов, банков, подразделений финансовой разведки, международных организаций, экстрадиционных органов и механизмов защиты прав человека. В него должны входить процессуальные документы, судебные решения, доказательства нарушений, сведения о корпоративном или политическом контексте, подтверждения имущественного интереса третьих лиц, данные о несоразмерности мер и материалы, показывающие практический ущерб.

Четвёртый шаг заключается в разделении документированных фактов, позиции защиты и правового анализа. Для международных органов и финансовых институтов это особенно важно. Нельзя просто заявлять, что дело является злоупотреблением. Нужно показывать, какие факты подтверждены документами, какие обстоятельства указывают на недобросовестность процесса, какие выводы являются юридической оценкой и какие риски возникают при автоматическом доверии к материалам исходной юрисдикции. Иначе всё превращается в очередное эмоциональное письмо, а такие письма международная бюрократия ест на завтрак и не замечает вкуса.

Пятый шаг состоит в раннем взаимодействии с потенциально затронутыми финансовыми институтами. Если существует риск блокировки счетов, прекращения обслуживания или отказа в операции, важно заранее подготовить объяснительную позицию для банков и служб проверки рисков. Такая позиция должна не отрицать сам факт дела, если он существует, а объяснять его процессуальный контекст, указывать на отсутствие окончательного судебного решения, раскрывать признаки злоупотребления и предоставлять документы, подтверждающие добросовестное происхождение активов.

Шестой шаг заключается в использовании международных механизмов не вместо национальной защиты, а параллельно с ней. В зависимости от обстоятельств это могут быть обращения в органы Организации Объединённых Наций, процедуры Совета Европы, жалобы по линии международного розыска, материалы для экстрадиционного суда, обращения к регуляторам или правозащитным институтам. Главное, чтобы эти действия были синхронизированы. Если каждый документ живёт отдельной жизнью, защита превращается в хаотический архив, а не в стратегию.

Седьмой шаг состоит в отдельном анализе экстрадиционного риска. Финансовые обвинения часто выглядят для иностранного суда как обычные общеуголовные дела, поэтому защите необходимо заранее показывать, почему конкретное производство не может оцениваться только по формальной квалификации. Следует раскрывать признаки выборочного преследования, судебной зависимости, несоразмерных мер, давления через активы, корпоративной заинтересованности и риска нарушения права на справедливое судебное разбирательство в случае выдачи.

Восьмой шаг связан с защитой активов. При наличии риска замораживания имущества необходимо определить, какие активы могут быть затронуты, в каких юрисдикциях они находятся, какие правовые основания могут использоваться для их ограничения, какие

механизмы обжалования доступны и какие средства должны быть исключены из заморозки для обеспечения базовых потребностей, оплаты защиты, налоговых обязательств и сохранения бизнеса. Вопрос активов нельзя оставлять «на потом», потому что потом обычно означает «уже заблокировано».

Девятый шаг заключается в фиксации всех последствий. Отказы банков, уведомления о прекращении обслуживания, блокировки операций, запросы дополнительных документов, отказ контрагентов, миграционные осложнения, задержания, ограничения поездок и репутационные публикации должны сохраняться и систематизироваться. Эти материалы имеют самостоятельное значение: они показывают, что исходное уголовное дело порождает не абстрактные, а реальные и несоразмерные последствия.

Десятый шаг состоит в регулярном обновлении позиции. В трансграничных делах ситуация быстро меняется: появляются новые судебные решения, запросы, отказы, ограничения, публикации и ответы органов. Защитная позиция должна обновляться, иначе она быстро устаревает. Особенно важно фиксировать, если национальный суд отказывает в доступе к материалам, сохраняет арест активов без мотивировки, игнорирует доказательства защиты или продлевает меры формально. Именно такие элементы имеют значение для иностранных судов, банков и международных институтов.

Policy Recommendations / Рекомендации по правовому и институциональному подходу

Во-первых, международные финансовые институты и органы правовой помощи должны учитывать не только формальное наличие уголовного дела, но и качество исходного процесса. Обвинение в легализации преступных доходов, мошенничестве, коррупции или финансировании терроризма не должно автоматически восприниматься как достаточное основание для жёстких ограничений без оценки доказательств, судебного контроля и возможного злоупотребления.

Во-вторых, процедуры финансового мониторинга должны включать более ясные гарантии для лиц, в отношении которых применяются ограничения. Речь должна идти не о раскрытии конфиденциальных методов расследования, а о минимальном праве понять характер претензий, представить документы, получить мотивированное рассмотрение и добиться пересмотра решения, если риск основан на недобросовестном или устаревшем уголовном деле.

В-третьих, иностранные суды и органы, рассматривающие запросы о взаимной правовой помощи, должны проводить более содержательную проверку исходного дела в ситуациях, где имеются признаки политической мотивации, корпоративного конфликта, имущественной заинтересованности третьих лиц, зависимости суда или несоразмерных обеспечительных мер. Формальное доверие между государствами не должно превращаться в автоматическое воспроизведение чужих процессуальных дефектов.

В-четвёртых, экстрадиционные суды должны особенно внимательно оценивать финансовые обвинения, используемые в политически или корпоративно чувствительных делах. Нейтральная экономическая квалификация не должна заслонять реальный контекст преследования. Если дело фактически направлено на давление, перераспределение активов или устранение оппонента, его нельзя оценивать как обычное уголовное производство только потому, что в запросе написаны слова «мошенничество» или «легализация доходов».

В-пятых, банки и поставщики финансовых услуг должны развивать процедуры индивидуального пересмотра решений. Автоматическая блокировка, прекращение обслуживания или отказ в операции могут быть оправданы на первичной стадии риска, но не

должны сохраняться годами без анализа представленных документов. В противном случае частные финансовые институты фактически становятся продолжением уголовного давления, не обладая при этом судебной ответственностью.

В-шестых, международные стандарты противодействия легализации преступных доходов должны более чётко учитывать риск злоупотребления уголовным преследованием. Современная система хорошо описывает угрозы преступных финансовых потоков, но недостаточно подробно рассматривает ситуации, когда само обвинение является спорным, выборочным или недобросовестно используемым. Это особенно важно для трансграничных дел, где последствия наступают в нескольких юрисдикциях одновременно.

В-седьмых, необходимо развивать подход, при котором права человека рассматриваются не как внешнее ограничение финансового мониторинга, а как его обязательная часть. Эффективная борьба с преступными финансовыми потоками не должна подрывать право на справедливое судебное разбирательство, право собственности, право на защиту, свободу передвижения и принцип соразмерности. Иначе система, созданная для защиты правопорядка, сама начинает производить правовую неопределённость. И это, как обычно, подаётся под видом «технической процедуры».

В-восьмых, международные организации и регуляторы должны поощрять создание механизмов восстановления после ошибочной или злоупотребительной классификации лица как источника риска. Снятие обвинений, прекращение дела, отмена розыска или признание нарушений должны сопровождаться реальными процедурами обновления информации, пересмотра банковских профилей и устранения остаточных последствий.

В-девятых, правовая практика должна отказаться от разделения защиты на изолированные блоки. Уголовное дело, экстрадиция, банковские ограничения, замораживание активов и международный розыск должны анализироваться как единая система. Только так можно показать, что каждый отдельный элемент может выглядеть формально допустимым, но их совокупное воздействие становится несоразмерным и неправомерным.

В-десятых, необходимо закреплять практику раннего предупреждения международных институтов о признаках злоупотребления. Если защита располагает документами, показывающими дефекты исходного процесса, такие материалы должны направляться до того, как запросы, розыскные уведомления или банковские ограничения создадут необратимые последствия. В таких делах превентивная правовая работа зачастую эффективнее, чем последующее восстановление разрушенной финансовой инфраструктуры.

Conclusion / Заключение

Механизмы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма являются необходимой частью современной международной правовой и финансовой системы. Без них невозможно эффективно бороться с коррупцией, организованной преступностью, финансированием терроризма, незаконным перемещением активов и использованием финансовой инфраструктуры в преступных целях. Их значение не вызывает сомнений.

Однако именно их сила, скорость и международная распространённость создают риск злоупотребления или непропорционального воздействия. Если исходное уголовное дело является добросовестным, такие механизмы помогают защищать публичный интерес. Если же дело содержит признаки выборочного преследования, корпоративного конфликта, политической мотивации или слабого судебного контроля, те же самые механизмы способны превратить спорное обвинение в международную систему ограничений.

Главная проблема заключается не в самом существовании финансового мониторинга, международной правовой помощи, экстрадиции или замораживания активов. Проблема возникает тогда, когда эти инструменты применяются без достаточной проверки качества исходного процесса. В таком случае международная система не исправляет дефекты национального дела, а переносит их на другие юрисдикции, банки, активы, миграционные процедуры и личную свободу человека.

Для ARGА ключевой вывод состоит в следующем. В делах, связанных с противодействием легализации преступных доходов, финансированием терроризма, международным розыском, экстрадицией и замораживанием активов, защита должна строиться не только вокруг формального опровержения обвинений. Она должна показывать всю архитектуру воздействия: кто инициировал дело, какие интересы за ним стоят, какова доказательственная база, насколько независим суд, какие меры применены, каковы международные последствия и почему автоматическое доверие к исходному процессу может привести к нарушению прав.

Зрелая правовая оценка в таких делах требует одновременного анализа уголовного процесса, финансового регулирования, международной правовой помощи, банковского комплаенса, прав человека и реального экономического контекста. Только такой подход позволяет отличить добросовестное международное сотрудничество от ситуации, в которой система борьбы с финансовыми преступлениями превращается в инфраструктуру давления. То есть, как обычно, инструмент создавался для порядка, а потом люди нашли способ использовать его как дубинку. Технический прогресс, но с человеческим лицом кирпича.

Приложение А. Терминология

Противодействие легализации преступных доходов. Совокупность правовых, финансовых, надзорных и организационных мер, направленных на выявление, предотвращение и пресечение использования финансовой системы для придания законного вида средствам, полученным преступным путём.

Противодействие финансированию терроризма. Система мер, направленных на выявление, предотвращение и пресечение предоставления, сбора, перемещения или использования средств для террористической деятельности, террористических организаций или связанных с ними лиц.

Финансовый мониторинг. Процесс наблюдения, анализа и оценки финансовых операций, клиентов, источников средств и структуры владения с целью выявления подозрительной деятельности и управления правовыми рисками.

Подразделение финансовой разведки. Национальный орган, уполномоченный получать, анализировать и передавать информацию о подозрительных финансовых операциях компетентным органам внутри страны и, при наличии оснований, иностранным партнёрам.

Взаимная правовая помощь. Форма межгосударственного сотрудничества по уголовным делам, включающая передачу документов, раскрытие банковской информации, допросы, изъятие доказательств, замораживание активов и иные процессуальные действия по запросу иностранного государства.

Экстрадиция. Процедура выдачи лица одним государством другому государству для уголовного преследования или исполнения приговора, при условии соблюдения установленных международных и национальных гарантий.

Международный розыск. Использование трансграничных механизмов обмена информацией для установления местонахождения лица, его задержания или принятия иных мер, связанных с уголовным преследованием.

Замораживание активов. Временное ограничение права распоряжения имуществом, денежными средствами, ценными бумагами, цифровыми активами или иными экономическими ресурсами в целях расследования, исполнения судебного решения, санкционного режима или финансового мониторинга.

Служба проверки рисков. Внутреннее подразделение банка, платёжной системы, инвестиционной платформы или иной организации, оценивающее клиентов, операции и контрагентов на предмет правовых, санкционных, репутационных и финансовых рисков.

Риск-ориентированный подход. Модель регулирования и внутреннего контроля, при которой меры проверки и ограничения применяются с учётом уровня предполагаемого риска, характера клиента, операций, юрисдикций и источников средств.

Процессуальная добросовестность. Реальное соблюдение принципов независимости суда, права на защиту, доступа к материалам дела, состязательности, равенства сторон, мотивированности решений и соразмерности вмешательства.

Злоупотребление международным правовым сотрудничеством. Использование запросов о правовой помощи, международного розыска, экстрадиции, финансового мониторинга или иных трансграничных механизмов не для добросовестного правосудия, а для давления, преследования, перераспределения активов или обхода процессуальных гарантий.

Международный контур ограничений. Совокупность последствий национального уголовного дела за пределами исходной юрисдикции, включая банковские ограничения, международный обмен информацией, розыск, экстрадицию, замораживание активов, миграционные осложнения и репутационный ущерб.

Приложение В. Матрица рисков / полномочий / правовых последствий

Действие	Правовой риск	Юридический предел	Возможные последствия	Практический комментарий
Возбуждение уголовного дела с финансовой квалификацией	Автоматическое восприятие лица как источника повышенного риска	Само возбуждение дела не доказывает факты и не заменяет судебную проверку	Банковские проверки, отказ в операциях, ограничение доступа к активам, репутационный ущерб	Необходимо сразу готовить документированную позицию о качестве исходного процесса и характере обвинения
Направление сообщения о подозрительной операции	Запуск закрытого обмена информацией без уведомления лица	Сообщение о подозрительной операции не является доказательством вины	Передача информации подразделению финансовой разведки, усиленный мониторинг, блокировка операции	Важно фиксировать банковскую переписку и готовить объяснения по происхождению средств

Обмен информацией между подразделениями финансовой разведки	Международное распространение непроверенной или односторонней информации	Обмен должен служить законной цели и не подменять судебную оценку	Иностранное государство должно учитывать риск злоупотребления и нарушение базовых гарантий	Иностранное государство должно быть необходимым, мотивированным, временным и соразмерным	Иностранцы проверки, банковские ограничения, заморозка активов	Следует заранее формировать международный пакет защиты с разделением фактов и правовой оценки
Запрос о взаимной правовой помощи	Перенос дефектов национального процесса в иностранную юрисдикцию	Иностранное государство должно учитывать риск злоупотребления и нарушение базовых гарантий	Иностранное государство должно учитывать риск злоупотребления и нарушение базовых гарантий	Иностранное государство должно быть необходимым, мотивированным, временным и соразмерным	Раскрытие банковской тайны, изъятие документов, арест имущества	Необходимо направлять иностранным органам позицию о процессуальных нарушениях и несоразмерности
Запрос о замораживании активов	Фактическая утрата доступа к имуществу до окончательного решения	Ограничение должно быть необходимым, мотивированным, временным и соразмерным	Ограничение должно быть необходимым, мотивированным, временным и соразмерным	Ограничение должно быть необходимым, мотивированным, временным и соразмерным	Блокировка счетов, цифровых активов, корпоративных прав, невозможность оплачивать защиту	Следует добиваться исключений для базовых расходов, защиты, налогов и сохранения бизнеса
Использование финансово обвиняемого в экстрадиционном запросе	Маскировка политического или корпоративного преследования под общееуголовное дело	Экстрадиция недопустима при риске недобросовестного, выборочного или политически мотивированного преследования	Экстрадиция недопустима при риске недобросовестного, выборочного или политически мотивированного преследования	Экстрадиция недопустима при риске недобросовестного, выборочного или политически мотивированного преследования	Задержание, арест, длительная экстрадиционная процедура, риск выдачи	Нужно раскрывать реальный контекст дела, а не спорить только с формальной квалификацией
Международный розыск по финансовому делу	Превращение спорного обвинения в угрозу личной свободе и мобильности	Розыскные механизмы должны использоваться для преследования, не совместимого международными стандартами	Розыскные механизмы должны использоваться для преследования, не совместимого международными стандартами	Розыскные механизмы должны использоваться для преследования, не совместимого международными стандартами	Ограничение поездок, задержание, миграционные осложнения, банковский риск	Следует готовить отдельную позицию по злоупотреблению розыскным механизмом
Блокировка счёта банком	Финансовая изоляция без судебного решения	Банк обязан управлять риском, но не должен превращать внутреннюю проверку в бессрочное наказание	Банк обязан управлять риском, но не должен превращать внутреннюю проверку в бессрочное наказание	Банк обязан управлять риском, но не должен превращать внутреннюю проверку в бессрочное наказание	Потеря доступа к средствам, невозможность исполнять обязательства, коммерческий ущерб	Нужно добиваться внутреннего пересмотра и предоставлять документы по происхождению средств и делу
Прекращение обслуживания финансовой инфраструктуры	Исключение лица из финансовой инфраструктуры	Частное решение должно учитывать индивидуальные обстоятельства и актуальные документы	Частное решение должно учитывать индивидуальные обстоятельства и актуальные документы	Частное решение должно учитывать индивидуальные обстоятельства и актуальные документы	Заккрытие счетов, отказ платёжных систем, невозможность получать доходы	Следует вести отдельную коммуникацию со службами проверки рисков и фиксировать все отказы

организаци ей			или оплачивать расходы	
Использова ние алгоритмич еской оценки риска	Автоматическо е усиление негативного профиля без содержательног о анализа	Оценка риска должна быть индивидуальной, проверяемой и обновляемой	Длительные блокировки, повторные отказы, сохранение неблагоприятного профиля	Нужно требовать пересмотра при изменении статуса дела или появлении новых документов
Продолжит ельное расследова ние без приговора	Использование неопределённ ости как самостоятельно го инструмента давления	Длительность процесса не должна заменять доказанность обвинения	Годы ограничений, невозможность пользоваться активами, репутационный ущерб	Важно документировать длительность, отсутствие судебного контроля и практические последствия
Прекращен ие дела, отмена розыска или снятие обвинений	Сохранение остаточных последствий в финансовой системе	Юридическое изменение статуса должно учитываться банками и органами	Остаточные проверки, сохранение внутреннего риск- профиля, трудности с восстановлением услуг	Требуется отдельная работа по обновлению информации и восстановлению финансовой репутации
Рассмотрен ие запроса иностранн м судом или органом	Формальное доверие к материалам исходной юрисдикции	Международное сотрудничество не должно быть автоматическим при наличии признаков злоупотребления	Исполнение запроса, арест активов, признание ограничений, отказ в защите	Необходимо представлять материалы о дефектах исходного дела и рисках для прав человека
Отсутствие единой стратегии защиты	Разрозненное реагирование на уже наступившие последствия	Каждая процедура имеет свои сроки и стандарты, но последствия должны оцениваться совместно	Потеря времени, закрепление ограничений, противоречивые позиции в разных юрисдикциях	Нужно выстраивать синхронную защиту по уголовному, банковскому, экстрадиционному и международному направлениям

Данная матрица отражает типовые ситуации, в которых механизмы противодействия легализации преступных доходов, международной правовой помощи, экстрадиции и финансового мониторинга могут взаимодействовать таким образом, что спорное или недобросовестное уголовное дело приобретает непропорционально тяжёлые международные последствия. Практическая функция матрицы состоит в том, чтобы заранее выявлять точки распространения риска и не позволять национальному обвинению автоматически превращаться в международную систему ограничений.

Официальные источники

Организация Объединённых Наций, Конвенция против коррупции.

Организация Объединённых Наций, Конвенция против транснациональной организованной преступности.

Организация Объединённых Наций, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма.

Организация Объединённых Наций, Международный пакт о гражданских и политических правах.

Комитет ООН по правам человека, Общий комментарий № 32 к статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Совет Европы, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Европейский суд по правам человека, практика по статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский суд по правам человека, практика по статье 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Financial Action Task Force, International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism and Proliferation, FATF Recommendations.

Financial Action Task Force, Guidance on the Risk-Based Approach.

Financial Action Task Force, Guidance on Beneficial Ownership and Transparency of Legal Persons.

Financial Action Task Force, Guidance on Asset Recovery.

Financial Action Task Force, Guidance on Counter Proliferation Financing.

Egmont Group of Financial Intelligence Units, Principles for Information Exchange Between Financial Intelligence Units.

Egmont Group of Financial Intelligence Units, Charter and operational materials on cooperation between financial intelligence units.

United Nations Office on Drugs and Crime, materials on mutual legal assistance, international cooperation and asset recovery.

World Bank and United Nations Office on Drugs and Crime, Stolen Asset Recovery Initiative.

INTERPOL, Constitution of INTERPOL.

INTERPOL, Rules on the Processing of Data.

INTERPOL, official materials on notices, diffusions and international police cooperation.

Council of Europe, Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime.

Council of Europe, Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism.

Council of Europe MONEYVAL, evaluation materials on anti-money laundering and counter-terrorist financing systems.

European Union, Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing.

European Union, Directive (EU) 2018/843 amending Directive (EU) 2015/849.

European Union, Regulation (EU) 2023/1113 on information accompanying transfers of funds and certain crypto-assets.

European Union, Regulation (EU) 2023/1114 on markets in crypto-assets.

European Union, Council regulations concerning restrictive measures and asset freezes under sanctions regimes.

Organisation for Economic Co-operation and Development, Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions.

Organisation for Economic Co-operation and Development, Recommendation of the Council for Further Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions.

Basel Institute on Governance, materials on asset recovery, financial investigations and corruption-related financial flows.